

Особенности прекращения уголовного преследования в отношении несовершеннолетних в отечественном уголовном процессе

В силу психологических и возрастных особенностей несовершеннолетних большое значение в уголовном судопроизводстве имеют вопросы предупреждения среди них преступлений, улучшения качества расследования данной категории уголовных дел, правовой защищенности несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых. В соответствии с п. 4 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года [1] «в отношении несовершеннолетних процесс должен быть таков, чтобы учитывались их возраст и желательность содействия их перевоспитанию».

В ходе продолжающейся судебно-правовой реформы многочисленные изменения уголовного и уголовно-процессуального законодательства были направлены на введение в отечественную правовую систему элементов ювенальной юстиции. В УК РФ, вступившем в силу с 1 января 1997 года, были введены нормы о возрастной вменяемости (ч. 3 ст. 20 УК РФ) и ограниченной вменяемости (ст. 22 УК РФ), которые основывались на принципе субъективного вменения; появилась глава 14: «Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних». Наконец, новый Уголовно-процессуальный кодекс РФ 2001 года закрепил в ст. 427 дискреционные полномочия органов следствия и прокуратуры по применению в отношении несовершеннолетних принудительных мер воспитательного воздействия.

Эти новации предполагали необходимость учета следователями, прокурорами и судьями психологических особенностей возраста подростка, его социального положения (сиротство, неполная семья, воспитание в детском доме), особенности развития (отставание в психическом развитии, ограниченную вменяемость в отношении конкретного преступления), сведений о личности ребенка, мотивов совершения правонарушения. Однако исследования судебно-следственной практики, проведенные сотрудниками НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ [2],

Е.В. Терехов

*Старший помощник прокурора
Нижегородского района г. Н. Новгорода,
юрист первого класса*

показали, что большинство должностных лиц правоохранительных органов и судов общей юрисдикции эти инновации не воспринимают. Они рассматривают детей как наиболее криминогенную часть общества. «Существующая система уголовной юстиции не способна воспринимать личность несовершеннолетнего правонарушителя. Вместо лица ребенка она воспроизводит то ли серое пятно, то ли черный квадрат – в любом случае, нечто крайне далекое от реальности... Судьи судят деяние, а не ребенка» [3].

В то же время Пленум Верховного суда РФ в своем постановлении от 14.02.2000 г. N 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» особо отметил, что «суды не должны допускать случаев применения уголовного наказания к несовершеннолетним, совершившим преступления небольшой или средней тяжести, если их исправление и перевоспитание может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных статьей 90 УК РФ» [4].

Приступая к рассмотрению юридической природы освобождения от уголовной ответственности в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия, необходимо отметить, что в специальной литературе нет единства мнений относительно вопроса, являются ли принудительные меры воспитательного воздействия формой реализации уголовной ответственности. По мнению В.И. Горобцова, принудительные меры воспитательного воздействия относятся к формам реализации уголовной ответственности, поскольку они применяются за совершенное преступление, имеют принудительный характер, назначаются от имени государства, сопряжены с лишениями и ограничениями, являются последствием нарушения уголовно-правового запрета, предусмотрены уголовным законодательством и применяются в соответствии с нормами уголовного закона [5]. Схожую позицию занимают и другие авторы, по мнению которых юридическая природа принудительных мер воспитательного характера заключается в их значении как особой формы реализации уголовной ответственности несовершеннолетних, выражающейся в освобождении их судом от наказания, предусмотренного в санкции инкриминируемой им статьи [6]. А.В. Наумов, в свою очередь, подчеркивает, что «принудительные меры воспитательного воздействия по своей природе являются уголовно-правовыми мерами. Будучи предусмотренными УК, они представляют собой разновидность мер государственного принуждения. Их применение к несовершеннолетнему

означает освобождение от уголовной ответственности (ст. 90 УК РФ) либо от наказания (ст. 92 УК РФ). Главное отличие этих мер от наказания в том, что они не влекут судимости» [7].

Ряд авторов придерживается противоположной точки зрения, полагая, что «принудительные меры воспитательного воздействия» не являются дифференциацией уголовной ответственности, поскольку они применяются вне рамок уголовной ответственности и не носят уголовно-репрессивного характера» [8]. Сторонники данной концепции обосновывают ее тем, что «данные меры» не содержат отрицательной оценки деяния и лица, поскольку не служат средством передачи лицу негативного отношения со стороны государства к его деянию и личности. В этом случае общество и государство отказывается от порицания, принимая в расчет какие-либо факторы, например несовершеннолетие и возможность быстрого исправления» [9]. В продолжение данных рассуждений Д.В. Карелин, анализируя государственно-властный, императивный характер назначения и исполнения принудительных мер воспитательного воздействия, считает, что указанные меры являются по своей природе административно-правовыми [10]. Данная точка зрения представляется нам ошибочной в силу очевидного уголовно-правового характера принудительных мер воспитательного воздействия, назначаемых в рамках уголовного судопроизводства за совершение уголовных проступков.

В целом разделяя позицию ученых, рассматривающих принудительные меры воспитательного воздействия в качестве формы реализации уголовной ответственности, со своей стороны отметим, что эти меры следует отличать как от мер исключительно воспитательного воздействия, так и от мер уголовного наказания. От первых они отличаются тем, что носят властно-распорядительный характер, сопряжены с ограничениями и запретами, применяются за совершение уголовных правонарушений на основании решения суда. В отличие же от мер наказания принудительные меры воспитательного воздействия не влекут судимости, а также сами по себе не являются возмездием за совершенное преступление, поскольку в них преобладают меры воспитательного, педагогического характера.

Таким образом, принудительные меры воспитательного воздействия – эта форма реализации уголовной ответственности, заключающаяся в применении комплексного воспитательного воздействия посредством соединения мер психолого-педаго-

гической коррекции с мерами уголовно-правового поощрения, мер безопасности (ограничение досуга, помещение в специальное лечебно-воспитательное учреждение) и восстановления (обязанность возместить причиненный вред).

В юридической литературе нет единства мнений относительно оснований прекращения уголовного преследования с применением принудительных мер воспитательного воздействия. Так, Г.Б. Виттенберг в качестве основания освобождения несовершеннолетнего называл «факт несовершеннолетия виновного, возможность исправления виновного одними лишь мерами общественного воздействия, а также лишь то, что совершенное преступление не представляет большой общественной опасности» [11]. Сходную позицию занимают Е.В. Болдарев и А.Е. Якубов [12].

На наш взгляд, трудно согласиться с мнением данных ученых: само по себе несовершеннолетие лица в момент преступного деяния не является самостоятельным юридическим основанием освобождения от уголовной ответственности. Как справедливо отмечает С.Г. Келина, «несовершеннолетие» представляет собой обязательную предпосылку освобождения, имеющую значение при оценке личности виновного» [13].

В специальной литературе имеют место и иные суждения относительно оснований освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних. Так, Н.А. Быданцев под основанием прекращения уголовного преследования в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия понимает всю совокупность условий, указанных в ч. 1 ст. 427 УПК РФ (совершение несовершеннолетним преступления небольшой или средней тяжести, возможность его исправления без применения наказания) [14]. О.А. Анферова в качестве основания освобождения от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия рассматривает наличие у несовершеннолетнего особого качества, а именно его исправимости под влиянием одних лишь мер воспитательного воздействия [15].

Не разделяя точку зрения Н.А. Быданцева и О.А. Анферовой, мы исходим, о чем говорилось ранее, из философского понимания основания как необходимого условия, являющегося предпосылкой существования каких-либо явлений (следствий) и служащего их объяснением, а условия как категории, выражающей отношение предмета к окружающим его явлениям, без которых он существовать не может. В этой связи единственным основанием освобождения

от уголовной ответственности по ст. 90 УК РФ и ст. 427 УПК РФ является то, что совершенное преступление относится к категории небольшой или средней тяжести. Способность же лица к исправлению под влиянием лишь мер воспитательного воздействия следует отнести к условиям освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности по ст. 90 УК РФ.

Таким образом, реализация прокурором дискреционных полномочий в ходе производства по делам несовершеннолетних в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия имеет принципиальную особенность: решение вопроса о возможности освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности не только базируется на обстоятельствах, имевших место в прошлом или имеющих в наличии в настоящем, но и предполагает прогностическую деятельность прокурора.

Уголовный закон связывает освобождение от уголовной ответственности несовершеннолетних с возможностью их исправления посредством применения принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90 УК). Данное обстоятельство носит безусловно оценочный характер. Оно субъективно и зависит не только от реально существующих фактов, свидетельствующих о возможности исправления, но и от усмотрения конкретного лица, от которого зависит принятие решения о прекращении или не прекращении уголовного преследования прокурора, следователя, дознавателя, судьи. Как отмечает О.Б. Виноградова, «отсутствие какой-либо правовой регламентации критериев установления такой возможности превращает данное условие в субъективную оценочную категорию» [16].

Принятие правильного решения возможно лишь в результате изучения личности подростка, условий его жизни и воспитания, выявления причин и условий, способствовавших совершению преступления, и возможностей их устранения. Выяснение этих обстоятельств позволяет определить педагогическую запущенность несовершеннолетнего и решить вопрос о возможности его исправления и перевоспитания мерами общественного воздействия или административного взыскания. Как отмечает И.В. Филенков, «выявление этих обстоятельств по делам несовершеннолетних имеет не менее важное значение, чем сбор и закрепление доказательств виновности подростка» [17].

Вывод о возможности исправления есть не что иное как предположение о желательном поведении подростка в будущем. Подобный

вывод может основываться как на документах, положительно характеризующих личность несовершеннолетнего, совершившего преступление, так и документах, подтверждающих возможность его исправления. На наш взгляд, к ним следует отнести характеристики с места учебы, жительства, работы. Имеет значение и характеристика, данная участковым уполномоченным милиции, протоколы допроса обвиняемого, где зафиксировано его раскаяние в содеянном, протокол допроса родителей о поведении подростка до и после совершения преступления, характере взаимоотношений в семье. Так, Э.Б. Мельникова возможность исправления несовершеннолетнего прямо связывает с условиями жизни и воспитания подростка. «Они не должны препятствовать реализации принудительной меры воспитательного воздействия» [18].

Н.И. Гуковская указывает, что «выясняя условия жизни и воспитания подростка в семье, следует обратить особое внимание на то, кто фактически занимался воспитанием подростка, каково влияние семьи на формирование его жизненных взглядов и устремлений` Выясняя условия учебы или работы подростка, необходимо установить: учится ли он, в какой школе (техникуме, профессиональном училище), в каком классе, каковы его успеваемость и поведение, оставался ли на второй год, принимает ли участие в общественной жизни, в чем выражается его участие, с кем дружит» Целесообразно установить следующие обстоятельства относительно отрицательного поведения подростка в прошлом: совершал ли ранее преступления, когда, какие; «находился ли в специальном воспитательном учреждении для несовершеннолетних; «обсуждалось ли поведение подростка Комиссией по делам несовершеннолетних» [19].

Кроме того, прокурор либо иной правоприменительный орган должны выяснить и зафиксировать данные о физическом и психическом состоянии лица, уровне его интеллектуального, волевого и нравственного развития, особенностях характера, способности поддаваться чужому влиянию, как позитивному, так и негативному. Как верно указывает С.А. Косова, «без учета личности и индивидуально-подхода избранные принудительные меры воспитательного воздействия к несовершеннолетнему снижают эффективность профилактической работы следователей и органов дознания, порождают у подростков уверенность в безнаказанности, приводят к совершению повторных преступлений» [20].

Для обоснования возможности исправления несовершеннолетнего принудительными мерами вос-

питательного воздействия важно выяснить мотивы преступного поведения. Совершение преступления по мотиву озорства, спора, любопытства характеризует обвиняемого как личность, не столь опасную для общества. Это обстоятельство фиксируется в протоколе допроса как самого обвиняемого, так и свидетелей совершенного преступления.

Постпреступное поведение несовершеннолетнего также в значительной степени характеризует возможность исправления подростка. Орган расследования во всех случаях выясняет, осознает ли обвиняемый всю тяжесть содеянного им, раскаивается ли он, что также фиксируется в протоколе допроса обвиняемого. Как отмечает Е.А. Белоусова, «доказательствами того, что исправление несовершеннолетнего может быть достигнуто без применения наказания являются: чистосердечное раскаяние, явка с повинной, способствование раскрытию преступления, возмещение причиненного ущерба или иной способ заглаживания причиненного преступлением вреда» [21]. В свою очередь, негативность отношения несовершеннолетнего к правоприменительному органу, потерпевшему может говорить о неисправимости лица.

Таким образом, при принятии решения о даче согласия дознавателю на прекращение уголовного преследования и возбуждение перед судом ходатайства о применении к несовершеннолетнему обвиняемому принудительной меры воспитательного воздействия прокурор должен быть убежден в искоренении таких черт, которые в совокупности с внешними обстоятельствами способны детерминировать совершение новых преступлений, или хотя бы о нейтрализации подобных черт посредством формирования или развития в подростке качеств, позволяющих осознать неправильность своего предшествующего поведения, невыгодность для него совершение новых преступных деяний.

Нельзя не заметить, что современный этап развития российского общества сопровождается нарастанием социальных и экономических проблем, ослаблением института семьи, увеличением количества разводов и неполных семей, насилием в семьях и многих других факторов, оказывающих немалое воздействие на воспитание детей. В результате растет число безнадзорных и беспризорных детей, в детской и подростковой среде широко распространено употребление наркотиков (за последние десять лет численность наркоманов среди молодежи возросла в 17 раз), различных психотропных препаратов и алкоголя. Вследствие всех этих факторов возросло ко-

личество правонарушений среди несовершеннолетних. Ежегодно в России выявляется более 300 тыс. общественно опасных деяний, совершенных подростками, причем 100 тыс. из них совершены детьми, не достигшими возраста уголовной ответственности. Непосредственно несовершеннолетними или при их участии совершается в стране каждое девятое преступление. В среднем каждый третий правонарушитель-подросток не учится и не работает [22].

Приведенные факты говорят о неэффективности уголовной политики российского государства в сфере борьбы с преступностью несовершеннолетних. Как показывает изучение статистических материалов Судебного департамента при Верховном Суде РФ, принудительные меры воспитательного воздействия за период с 2000 по 2008 гг. применялись лишь в отношении 1–4 % несовершеннолетних, совершивших преступления. Уровень же реализации соответствующих дискреционных полномочий официальными органами на досудебных стадиях уголовного процесса близок к нулевому.

Безусловно, такая ситуация не соответствует принципам гуманизма и экономии мер уголовно-правовой репрессии. Приведенные цифры свидетельствуют о неэффективности института принудительных мер воспитательного воздействия в теперешнем состоянии, о необходимости качественной переориентации уголовной политики российского государства в отношении несовершеннолетних.

В Российской Федерации с 90-х гг. XX в. началась разработка вопросов отечественной ювенальной юстиции [23]. Не вдаваясь в рассмотрение существа концепции ювенальной юстиции, выступающей предметом многочисленных исследований целого ряда ученых-правоведов [24], отметим лишь важнейшее отличие ювенального правосудия от стандартной процедуры уголовного судопроизводства, состоящее в том, что ювенальная юстиция рассматривает подростка не как объект для репрессии, а как субъект реабилитации. «Индивидуализация в рамках ювенальной юстиции является ее принципом потому, что в центре судебного процесса находится личность несовершеннолетнего, и именно ей в первую очередь подчинена вся судебная процедура, включающая правила, отсутствующие в общем правосудии. Законодательство и судебная практика тех стран, где функционируют суды для несовершеннолетних, оценивают такую правовую ситуацию как самую эффективную применительно к подросткам» [25].

В литературе неоднократно указывалось на отсутствие во вновь принятом Уголовно-процессуальном кодексе РФ ювенальной специфики. Профессор Э.Б. Мельникова отмечает, что «даже в новой главе 50, которая регулирует производство по делам несовершеннолетних, ее очень мало. Общее правило, изложенное в ст. 25 УПК РФ, о делах, которые рассматриваются в общем порядке, приводит к тому, что все несовершеннолетние подпадают под такой порядок» [26].

В то же время ст. 40 Конвенции о правах ребенка, ст. 17 Свода правил защиты несовершеннолетних, лишенных свободы, ст. 22 Пекинских правил требуют, чтобы дела о несовершеннолетних велись максимально быстро, чтобы должностные лица следственных органов имели специальную подготовку, организационную специализацию, независимость, профессиональную компетентность. В этих документах ООН закреплено общепризнанное правило о том, что профессиональная квалификация является необходимым элементом обеспечения беспристрастного и эффективного отправления правосудия в отношении несовершеннолетних. Однако, как видно из содержания ст. ст. 151, 420 УПК РФ, российский уголовно-процессуальный закон отказался от обязательности предварительного следствия по всем делам несовершеннолетних и наделил дознавателей правом осуществлять в полном объеме расследование дел о преступлениях несовершеннолетних. Все эти нововведения противоречат стандартам и нормам международного права, уничтожают накопленный в России (раньше чем в ряде зарубежных стран) бесценный опыт специализации следователей, судей и прокуроров по делам несовершеннолетних. С.П. Щерба по этому поводу справедливо отмечает, что такое решение законодателя неизбежно приведет к ухудшению качества предварительного следствия по делам этой категории [27].

В этой связи нам представляется необходимым внедрение в практику работы органов следствия, прокуратуры и суда отдельных элементов ювенальной юстиции, чья эффективность нашла свое подтверждение как в позитивном опыте зарубежных стран, так и в результатах соответствующих экспериментов в отдельных регионах РФ. На настоящем этапе необходимо предусмотреть в штате каждого органа следствия и дознания, районной и городской (а также приравненной к ним) прокуратуры, в составе судов всех инстанций должность сотрудника, специ-

ализирующегося на расследовании (разрешении) уголовных дел в отношении несовершеннолетних. Должностные лица данной категории должны обладать, помимо юридического, профильным психолого-педагогическим образованием, пройти специальный курс подготовки по разрешению криминальных конфликтов с участием несовершеннолетних.

Создание специализированного следствия и правосудия для несовершеннолетних (ювенальной юстиции) способствовало бы накоплению соответствующей судебной-следственной практики, которая стала бы базой для дальнейшей эволюции законодательства в данной области, привела бы к углублению связей различных отраслей права в сфере защиты прав несовершеннолетних. ■

Литература:

1. «Библиотечка Российской газеты», выпуск N 22–23, 1999 г.
2. См., например, статью: Цымбал Е.И. Предпосылки внедрения восстановительного правосудия для несовершеннолетних в России. В кн.: «Восстановительное правосудие / Под общ. ред. И.Л. Петрухина. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2003. 196 с.
3. Там же. С. 90
4. Российская газета. N 50. 14.03.2000 г.
5. Горобцов В.И. Теоретические проблемы реализации мер постпенитенциарного воздействия. Орел, 1995. С. 29
6. См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева. М., 2000.
7. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. М.: Изд-во БЕК, 1996. С. 492–493.
8. Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 1998. С. 64.
9. Терентьева В.А. Принудительные меры воспитательного воздействия (общая характеристика) / Актуальные проблемы права. Сборник трудов научной конференции вузов России, посвященной 30-летию юридического факультета КемГУ. Кемерово: КемГУ, 2004. Т. 2. С. 140.
10. См.: Карелин Д.В. Принудительные меры воспитательного воздействия как альтернатива уголовной ответственности: Дисс. ... канд.юрид.наук. Томск, 2001. С. 113.
11. Виттенберг Г.Б. Освобождение от уголовной ответственности и наказания с применением мер общественного воздействия / Автореф. дис. ... докт.юрид.наук. Харьков, 1969. С. 34.
12. См.: Болдырев Е.В. Меры предупреждения правонарушений несовершеннолетних в СССР. М., 1964. С. 77; Якубов А.Е. Освобождение несовершеннолетних от ответственности и наказания с применением принудительных мер воспитательного характера. М., 1988. С. 130–138.
13. Келина С.Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. М., 1974. С. 117.
14. См.: Быданцев В.А. Прекращение уголовного преследования (дела) в отношении несовершеннолетнего с применением принудительной меры воспитательного воздействия в аспекте ювенальной юстиции: Дисс. ... канд.юрид.наук. Томск, 2007. С. 68.
15. Анферова О.А. Проблемы прекращения уголовного дела (преследования) с применением к несовершеннолетним принудительных мер воспитательного воздействия. Дис. ... канд.юрид.наук. Волгоград, 2003. С. 65
16. Виноградова О.Б. Прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям: Дисс. ... канд.юрид.наук. М., 2003. С. 172.
17. Особенности расследования преступлений несовершеннолетних. Коллектив авторов. М.: Изд-во ВНИИ МВД СССР, 1981. С. 79.
18. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. И.Л. Петрухина. М.: ООО «ТК Велби», 2002. С. 528.
19. Гронская Н.И. Деятельность следователя и суда по предупреждению преступлений несовершеннолетних (Методическое пособие). М.: Изд-во «Юридическая литература». 1967. С. 8–13.
20. Косова С.А. О некоторых вопросах практики освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности и наказания в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия // Законодательство. 1998. N 1. С. 61.
21. Белоусова Е.А. Прекращение уголовного преследования в стадии предварительного расследования: Дис. канд. юрид.наук. СПб., 2004. С. 142–143.
22. См.: Трунов И.Л., Айвар Л.К. Вопросы уголовного права и уголовной политики в отношении несовершеннолетних // Журнал российского права. 2005. N 10. С. 30.

23. См.: Организация и проведение программ восстановительного правосудия. Методическое пособие / Под ред. Л.М. Карнозовой и Р.Р. Максудова. М.: МОО Центр «Судебно–правовая реформа», 2006.

24. См.: Правосудие по делам несовершеннолетних. Мировая мозаика и перспективы в России. Вып. 2. / Под ред. М.Г. Флямера. М.: МОО Центр «Судебно–правовая реформа», 2000; Мельникова Э.Б. Ювенальные юстиции: Проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии. М., 2000; Бабушкин А.В., Невский В.В. Подросток и тюрьма: проблемы назначения и исполнения наказания в отношении несовершеннолетних в Российской Федерации. М., 2002; Борисова Н.Е. Конституционные основы защиты прав и интересов несовершеннолетних (теория, практика, проблемы совершенствования законодательства): Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2004; Предеина И.В. Правовые и теоретические основы развития ювенальной юстиции в России // Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005.

25. Кудрявцева Н.И. Ювенальная юстиция в России и Франции: Сравнительная характеристика: Учебно–методическое пособие для студентов юридического факультета. Курск, 2003. С. 30.

26. Мельникова Э.Б. Правосудие по уголовным делам в отношении несовершеннолетних: восстановительный аспект. Научно–практическая конференция «Правовое обеспечение практики восстановительного правосудия: мировые тенденции и перспективы в России» (Окончание) // ГиП, 2003, N 10. С. 105.

27. Щерба С.П. Новые правила производства по делам несовершеннолетних в свете общепризнанных принципов и норм международного права // Научно–практическая конференция «Правовая и криминологическая оценка нового УПК РФ» (Окончание) // Государство и право. 2002. N 10. С. 110